

СПЕЦИФИКА ОБРАЗОВ-ПЕРСОНАЖЕЙ В СБОРНИКЕ
Я. КОЛАСА «КАЗКІ ЖЫЦЦЯ»: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассматривается специфика образов-персонажей в сборнике Я. Коласа «Казкі жыцця», которая заключается в наличии дуалистических антропоморфных персонажей, объединяющих в себе одновременное присутствие антропоморфного и реалистического плана содержания в повествовании.

Ключевые слова: классические антропоморфные персонажи, дуалистические антропоморфные персонажи, дуалистический план выражения, антропоморфный план содержания, реалистический план содержания.

В сборнике «Казкі жыцця» Я. Коласа, в котором действующими персонажами являются природные стихии, вещи, звери, птицы, ставятся важные проблемы «морально-этического, общественно-политического, бытийного характера» [3, с. 95]. Я. Колас с помощью аллегорических образов отражает сложные явления общественной жизни, высказывает взгляды на взаимоотношения людей, их философские и морально-этические представления.

В некоторых научных работах о творчестве Я. Коласа проводятся параллели между «Казкамі жыцця» и баснями И. Крылова, К. Крапивы, Ж. Лафонтена, аллегорическими сказками М. Салтыкова-Щедрина. Подробный анализ «Казак жыцця» показал, что они отличаются и от басен, и от сказок М. Салтыкова-Щедрина, в том числе и от народных сказок. Различие заключается в том, что и для басен, и для классических фольклорных и литературных сказок характерно наличие только антропоморфного плана содержания. В итоге для данных произведений характерно наличие классических антропоморфных персонажей, которые являются антропоморфными по своей сути (наличие определенных черт характера, социального статуса, вида деятельности, характерной для людей и т. п.). Так, в сказках М. Салтыкова-Щедрина медведь по своему социальному статусу воевода, орлы – помещики, а вороны – крестьяне. А, например, в басне И. Крылова «Квартет» животные пытаются научиться играть на музыкальных инструментах.

Относительно «Казак жыцця» правомерно говорить о наличии в них дуалистических антропоморфных персонажей (от лат. *dualis* – двойственный), так как анализ «Казак жыцця» дает нам основание говорить о двойственности образов-персонажей, создаваемых Я. Коласом в данном сборнике. Так, М. Мушинский в статье «Шэдэўр беларускага прыгожага пісьменства», посвященной «Казкам жыцця», отмечает,

что отличительной чертой данного произведения является тот факт, что здесь соединяются «два противоположных, оппозиционных начала – сказочный и реальный» [3, с. 95]. Заметим, что именно со сказочным началом в сборнике связан антропоморфный план содержания, а с реальным, соответственно, реалистический план содержания. Именно дуалистичность, двойственность плана выражения создает в произведении два противоположных друг другу плана содержания: антропоморфный и реалистический. Наиболее ярко данный тип антропоморфных персонажей представлен, помимо сборника «Казкі жыцця» Я. Коласа, в творчестве датского писателя Х. К. Андерсена. Писатель соединяет одновременно два плана повествования: реалистический и антропоморфный, связанный с человеческой историей, которая развивается параллельно с историей бытования предмета. Например, Т. Сильман в своей статье «Сказки Андерсена» отмечает, что «колебательные движения двойного образа, его «мерцательная» игра – момент чисто андерсеновской поэтики» [4, с. 20]. Но на самом деле двойственность плана выражения, наличие одновременно антропоморфного и реалистического плана выражения (дуалистического плана выражения), порождающих одновременно и наличие антропоморфного и реалистического плана содержания (дуалистического плана содержания), – это то, что является общим для авторских сказок Х. К. Андерсена и «Казак жыцця» Я. Коласа.

Художественный метод создания дуалистических антропоморфных персонажей «направлен на создание двух одновременно развивающихся сюжетных линий. На первом плане находится более простой, конкретно-предметный образ, переживающий сказочные приключения, за которым стоит его взрослый двойник, история которого, понятная лишь благодаря сложной системе переносных смыслов, в конечном счете более обычна и жизненно реальна» [4, с. 20].

Так, в каждой сказке Х. К. Андерсена «как бы слились воедино две действительности. Одна – подлинная жизнь цветка, мухи, дерева, чашки или кофейника; другая – не менее подлинная жизнь человека» [4, с. 12].

В сказке Я. Коласа «Крыніца» («Источник») также сливаются воедино две действительности, одна из которых – это реальные процессы и изменения в природе, а другая имеет иносказательный смысл – изменения и их последствия в жизни человеческого общества. Так, в сказке гора предстает как мать по отношению к источнику, ведь она «дала ёй (крыніцы) пачатак жыцця» [2, с. 154]. Гора, как мать, волнуется за будущее «своего ребенка» (антропоморфный план), так как предчувству-

ет изменения в природе (реалистичный план), дает советы, как лучше поступить: «Ты паглядзі, вунь там, бачыш, стаяць горы...Гэта ўсё мае сваячкі, і не сягоння-заўтра яны, таксама як і я, дадуць пачаткі новым крынічкам... Яны будуць бегчы сюды, і калі б ты пачакала, дык яны зліліся б з табою» [2, с. 157]. Если говорить про антропоморфный план, то высказывается надежда на единение общества, народа, что сделает его сильнее и независимее от влияния других: «Тады б вы сталі магутнай ракою, і ў гурце вам не страшна было б каціцца ў свет: вас ніхто не адолее, і вы не страціце сябе на чужыне» [2, с. 157].

Так, и в философской лирике М. Лермонтов («Утес», «Тучи», «Парус» и т. п.), изображая пейзажные зарисовки (реалистический план), показывает людей и их духовный мир, переживания (антропоморфный план). Например, парус в одноименном стихотворении М. Лермонтова ассоциируется не только с реальным парусом, но и с человеком, на долю которого выпало много испытаний («бурь»). Теме одиночества человека («утеса-великана») посвящено стихотворение «Утес», главная мысль которого – мимолетность человеческого счастья.

Если говорить о творчестве Х. К. Андерсена, то «всякой вещи, всякому живому существу, всякому фантастическому созданию в сказках Андерсена присущ свой характер. Все эти характеры увидены и показаны вполне реалистически в меру принадлежности к какой-либо среде, в меру их роли и значения их в природе и обществе» [4, с. 11]. «Так, например, сказать, что серебряная монетка бродит и скитается по свету и при этом переживает множество приключений, что она – «бродяга», значит исходить из реальной сущности этого предмета, в то время как сказать, что стул, или стол, или шкаф – «бродяги», означало бы обречь повествование на неизбежные натяжки» [4, с. 12–13].

Например, то, что Я. Колас в сказке «Як птушкі дуб ратавалі» называет дятла доктором, который лечит деревья, вполне соответствует существующей реальности, так как дятел, действительно, поедая червей, которые заводятся в деревьях, помогает деревьям не болеть. А в стихотворной сказке «Беда петушка» Р. Кудашева изображает в качестве доктора Гуся, что уже не может соответствовать объективной реальности жизни.

В произведениях, для которых характерно наличие дуалистических антропоморфных персонажей, две одновременно развивающиеся сюжетные линии создаются, как правило, за счет лексики, «поскольку то или иное слово своим двойным значением обеспечивает такое сложное восприятие» [4, с. 15], а также с помощью различных сюжетных ходов.

Так, в сказке Х. К. Андерсена «Воротничок» главный герой (воротничок) думает о женитьбе, и вся история наряду с тем, что может происходить с обычным воротничком, попадающим то в стирку, то на гладильную доску и т. п., одновременно передает жизненные перипетии обычного щеголя и хвастуна, который постоянно знакомится с разными женщинами. Х. К. Андерсен проводит параллель между уютной щеткой и «прелестной вдовушкой», ножницы сравнивает с танцовщицей: *«Никогда не забыть мне моей первой невесты... Она бросилась из-за меня в лохань! Была тоже одна вдовушка; она дошла просто до белого каления! Но я оставил ее и она почернела от горя! Еще была первая танцовщица; это она ранила меня, – видите?»* [1, с. 424]. Как видим, в прямом значении фраза «она бросилась из-за меня в лохань» говорит о том, что подвязку стирали, а в переносном, что она утопилась из-за любви. «Она дошла просто до белого каления!» в прямом значении – уютная щетка нагрелась, в переносном – разлилась до предела. «Ранила», то есть порезала, и «ранила» – принесла сильные страдания душевного плана.

Если рассматривать сказку Я. Коласа «Стары лес», то реалистический план – это буря, в результате которой сильно пострадали многие деревья, антропоморфный – война между людьми. Шум леса, вызванный сильным ветром, Я. Колас интерпретирует как ссору между деревьями. Я. Колас осуждает войну, которая принесла бесчисленные жертвы и разрушения, пробудила чувство взаимной ненависти между людьми (деревьями).

Если соотнести содержание «Казак жыця» со временем их написания, можно увидеть, что они отражают те или иные общественно-политические события. Так, аллегорические сказки 1917 г. («Супраць вады», «Стары лес», «Даль», «Што лепей?») вобрали в себя раздумья писателя над военными событиями: Первой мировой войной, Февральской революцией.

С «Казками жыця» Я. Коласа можно сравнить и сказку Ядвига Ш. «Дуб-Дзядуля». Например, «сварливость» ёлок проявляется в действии вполне в реалистическом ключе: «Міргнеш ім, бывала, жалудком, а яны табе шышкай у бок» [6, с. 29].

В сказке А. де Сент-Экзюпери «Маленький принц» процесс созревания и начала цветения розы также антропоморфизмуется за счет использования переносного значения слов и выражений. Рассмотрим следующий отрывок: *«неведомая гостя, еще скрытая в стенах своей зеленой комнатки, все готовилась, все прихорашивалась. <...> Она хотела показаться во всем блеске своей красоты. Да, это была ужасная*

кокетка! ... И вот наконец, однажды утром, едва взошло солнце, лепестки раскрылись» [5, с. 28–29]. Итак, «зеленая комнатка» – это нераскрывшийся бутон, «готовилась», «прихорашивалась», «наряжалась» – все это свидетельствует о формировании бутона перед тем, как цветок распустится. Затем упоминается о том, что она «проснулась», «родилась вместе с солнцем», следовательно, распустилась.

Как видим, в данных произведениях природа антропоморфизирована с сохранением реалистичной достоверности, но не персонифицирована, как, например, в сказке итальянского писателя Дж. Родари «Приключения Чиполлино», персонажи которой – антропоморфные овощи и фрукты.

В сказках Я. Коласа не поддаются персонификации и такие явления, как солнце, ветер и т. п., в отличие от народных сказок, где, например, Морозко – это персонификация мороза, зимы.

Отметим, что в сказках Х. К. Андерсена все антропоморфные предметы вступают в родственные отношения. Например, в сказке «Стойкий оловянный солдатик» оловянная ложка – мать оловянных солдатиков (реалистический план – оловянные солдатик были отлиты из оловянной ложки), а в сказке «Сундук-самолет» спички принадлежат к семье лиственных деревьев.

Так, и у Я. Коласа в сказке «Зло – не заўсёды зло» желуди подаются как сыновья дуба, что также соотносится с истинной действительностью, ведь желуди растут на нем, значит, являются его потомством. А в сказке «Вадаспад» отражены родственные отношения между различными формами воды: водопадом, дождем, росой и речкой. Как видим, данное утверждение соответствует действительности, не выходит за пределы реальности. Учитывая реалистичное представление о данных формах воды, Я. Колас наделяет их определенными чертами характера, не похожим на остальные формы нравом: они «дзеці як бы адных бацькоў: і там вада, і тут вада, а нораў не той» [2, с. 136]. Например, водопад характеризуют следующим образом: он «шумлівы, заўжды парывісты і не ў меру гаманкі» [2, с. 134], «балбатун», «такі ганарысты, такі надзіманы» [2, с. 137]. Речка, напротив, «уважная, такая спакойная» [2, с. 134]. В результате их одновременно можно воспринимать и как антропоморфных существ, и как реальные природные объекты, поскольку, например, называть водопад шумным, значит, не противоречить его реальной характеристике.

Например, в «Притче о молочке, овсяной кашке и сером котике Мурке» Д. Мамина-Сибиряка Молочко и Кашка также очеловечиваются

только на уровне плана содержания: они наделяются психическими и интеллектуальными свойствами, характерными для людей (например, могут сердиться, хвастаться, ворчать), но на уровне плана выражения (представление о внешности, их деятельности) антропоморфностью не обладают. Антропоморфный план создается за счет лексики, используемой автором. Так, кипение каши на плите автор интерпретирует, как ворчание: «она ворчала в своей кастрюле, как старушка» [6, с. 226].

В сказках Я. Коласа не только при изображении природных объектов, но и представителей фауны наблюдаются антропоморфный и реалистический планы выражения и содержания. Антропоморфизм проявляется на уровне диалогов между животными и птицами, отражающими их мысли, стремления, но их действия, поступки – действия и поступки животных, а не людей, в отличие, например, от народных сказок, где лиса выходит замуж за кота, журавль сватается к цапле, а медведь с лисой живут вместе в избушке как родственники.

Сказка «У чым іх сіла» – это единственная сказка Я. Коласа, относительно которой можно говорить о наличии в ней антропоморфных персонажей. Вероятно, именно по этой причине Я. Колас и исключил ее из итогового перечня сказок, входящий в сборник, поэтому данная сказка обычно печатается в качестве приложения к нему.

Вывод: Специфика образов-персонажей в сборнике Я. Коласа «Казкі жыцця» заключается в наличии в нем дуалистических антропоморфных персонажей, возникающих в результате двойственности плана выражения, который создает в произведении два противоположных друг другу плана содержания (антропоморфный и реалистический), что не характерно, как правило, как для фольклорных и литературных сказок, так и для басен. В качестве исключения, помимо «Казак жыцця», такое совмещение планов характерно для авторских сказок Х. К. Андерсена, сказки Ядвигина Ш. «Дуб-Дзядуля», притч Д. Мамина-Сибиряка («Притча о молочке, овсяной кашке и сером котике Мурке» и др.), философской лирики М. Лермонтова («Парус», «Утес», «Тучи» и т. п.), А. де Сент-Экзюпери в сказке «Маленький принц».

Список использованной литературы

1. Андерсен, Х. К. Сказки и истории: в 2 т. / пер. с датск., вступит. ст. Т. Сильман. – Т. 1. – Л.: Худож. лит., 1977. – 584 с.
2. Колас, Я. Песні жальбы; Казкі жыцця. – Мінск: Маст. літ., 2007. – 230 с.
3. Мушыньскі, М. Шэдэўр беларускага прыгожага пісьменства // Песні жальбы; Казкі жыцця / Я. Колас. – Мінск: Маст. літ., 2007. – С. 95–103.
4. Сильман, Т. Сказки Андерсена // Сказки и истории: в 2 т. – Т. 1. – Л., Худож. лит., 1977. – С. 5–27.

5. Сент-Экзюпери, А. де. Маленький принц / пер. с фр. Н. Галь. – М.: Молодая гвардия, 1963. – 96 с.
6. Сказки русских писателей / вступит. ст. Л. Савик. – Мн.: Юнацтва, 1984. – 352 с.
7. Ядвігін, Ш. Выбранныя творы. – Мінск: Маст. літ., 2006. – 239 с.

УДК 378:821.161.3

Г. А. Алянюк (Беларусь, г. Бялынічы)

АБАГУЛЬНЯЛЬНЫ ЎРОК ПА ТЭМЕ:
«СЛОВАЎТВАРЭННЕ І АРФАГРАФІЯ» (ПАВОДЛЕ
ТВОРЧАЙ СПАДЧЫНЫ ЯКУБА КОЛАСА)

Анотацыя. На дадзеным уроку сістэматызуюцца веды вучняў на аснове творчых набыткаў Я. Коласа.

Ключавыя словы: словаўтварэнне, творчасць, Якуб Колас, творы.

Мэта: сістэматызаваць веды вучняў; удасканалваць уменне абагульняць і даказваць; рабіць вусны і пісьмовы марфемны разбор; вызначаць спосаб іх утварэння; фарміраваць навыкі правільнага напісання слоў, уменне прымяняць набытыя веды на практыцы; выхоўваць любоў і павагу да роднага слова, творчай спадчыны Я. Коласа.

Вучні павінны ведаць:

- паслядоўнасць марфемнага разбору;
- спосабы ўтварэння слоў;
- адрозніваць формы слоў і аднакарэнныя словы;
- разумець адрозненні ў значэнні роднасных слоў.

Вучні павінны ўмець:

- карыстацца марфемным і словаўтваральным слоўнікам;
- тлумачыць спосабы ўтварэння слоў;
- вызначаць сродкі ўтварэння слоў.

Абсталяванне: індывідуальныя карткі з заданнямі; тэставыя заданні; выстава дзіцячых малюнкаў-ілюстрацый да твораў Я. Коласа; тлумачальны, марфемны і словаўтваральны слоўнікі.

Эпіграф:

*Слова – радасць, слова – чары,
Выраз вечна юных вёсен,
Ёсць ты ўсюды: ў сонцы, ў хмары,
Ты глядзіш праз неба просінь.
Я. Колас*